

Импрессионистские тенденции в творчестве В.Г.Короленко

Мета даного дослідження – простежити, як відобразилися імпрессионістичні тенденції, властиві художній літературі кінця XIX – початку XX століть, у творчості В.Г.Короленка. Автор статті зосереджує увагу на одному з ключових понять короленківської поетики – так званому «настрої», характерному для імпрессионістичної манери відображення дійсності.

Начало литературной деятельности В. Г. Короленко попадает на стык веков. Это был переходный период в искусстве и в литературе, когда на смену традиционным пришли новые способы отображения действительности. Возникали и развивались различного рода модернистские течения. И хотя творчество писателя в целом относят к реалистическому методу, с оговоркой на синтез реализма с романтизмом, модернизм все же оказал определенное влияние на формирование его творческой манеры. Более всего это влияние выразилось в новом, импрессионистском мировосприятии, которое в свою очередь требовало новых способов и средств изображения окружающей действительности. О новом видении мира упоминал и сам Короленко в переписке: «...мы не просто отражаем явления, как они есть, – писал он В. А. Гольцеву, – и не творим по капризу иллюзию несуществующего мира. Мы создаем или проявляем рождающееся в нас новое отношение человеческого духа к окружающему миру» [4, с.78].

Влияние импрессионизма испытали на себе и такие современники Короленко, как Чехов, Гаршин. По словам В. И. Силантьевой, «...импрессионизм как мировидение был ограничен времени. <...> Импрессионизм соответствовал желанию человека расширить горизонты видения и предложил ему «распахнутый мир». <...> Он вступил в жизнь с предложением сместить ракурс восприятия уже знакомого мира...» [11, с.95]. Вместо провозглашаемой натуралистами «голой правды», импрессионизм стремился отразить поэзию жизни, передавая личные впечатления, наблюдения, изменчивые оттенки чувств и переживаний. Его целью было изобразить мир таким, каким он виделся в данный момент через призму личного восприятия. Поэтому описания зачастую носят эпизодический, фрагментарный характер. Изменилась и манера повествования – она обогатилась лиризмом. О лиризации прозы, как о литературном процессе конца XIX, упоминает Т. П. Маевская, называя лиризм отличительной чертой короленковской поэтики [10, с.72].

П. Э. Лион считает одним из ключевых терминов поэтики Короленко – «настроение»: «Положительное настроение» дает ощущение причастности «мировой тайне», «дурное» – образ расколотого страшного мира. Короленко последовательно выбирает первое настроение» [9, с.4]. В качестве примера «положительного настроения» в творчестве писателя можно привести небольшой очерк-рассказ «Старый звонарь» (1885), имеющий подзаголовок «Весенняя идиллия». Герой очерка, старик Михеич, проживший полную невзгод жизнь, несмотря ни на что сохранил в душе ощущение гармонии с окружающим миром. Когда он поднимался в сумерках на колокольню, его фонарик мерцал в ночи, «точно взлетевшая на воздух звезда», а когда начинал

звонить, казалось, что в ответ на звуки колокола звезды вспыхивали ярче и разгорались. Еще более подчеркивает органическую связь старого звонаря с миром природы следующее наблюдение: «Ему не нужно часов: Божьи звезды скажут ему, когда придет время...» [8, с.140].

Похожие ощущения испытывает и герой рассказа «Не страшное» (1903) учитель Падорин. Ему кажется, что звезды «шевелиются и шепчут» и говорят что-то его душе: «Вот прямо слышишь таинственный шопот, только разобрать не можешь... Не то какая-то далекая тревога, не то спокойное и близкое участие» [5, с.397].

В рассказе «Последний луч» писатель показал смену “«настроений” с помощью лирического пейзажа. В ущелье, куда не проникали солнечные лучи, было «сумрачно, серо и *печально*». Поначалу герой-рассказчик видит лишь «*угрюмые скалы*», слышит «*унулый гул* лиственниц». «Молчаливая *печаль* этого места начинала захватывать меня...» – пишет он о своих ощущениях [6, с.380, 381, 383]. Но с восходом солнца его ощущения, а соответственно и настроение, резко меняются. Теперь он уже замечает, что деревья в лучах восходящего солнца «тихо сияли, *радуясь* первой ласке утра», «берег *радовался* и светился, сверкая, искрясь и переливаясь разноцветными слоями сланцевых пород и зеленью пушистых сосен [6, с.384, 385]. Лицо мальчика, наблюдавшего эту картину, «засветилось *восторгом*»: «Глаза сверкали, губы улыбались, на бледножелтых щеках, казалось, проступал румянец» [6, с.384]. Когда же солнце скрылось за скалами, а леса сомкнулись «траурной каймой», глаза у мальчика стали «*печальными* и померкшие» [6, с.386].

Как видим, автор стремится передать не только свое настроение и настроение своих героев, но даже «настроение» окружающей природы, подмечая, как «радуются» солнцу деревья и берег. Ф. Д. Батюшков писал о Короленко: «По временам он как бы воплощается сам в выведенные им лица, переживая с ними их настроения, говоря от их имени, их языком. Но затем, с необыкновенной яркостью выступает личность автора... <...> Индивидуальность автора зачастую проникает в самые образы, просвечивает за дымкой объективного рассказа, придавая ему особый смысл» [2, с.30, 46]. Еще одним моментом, на который хотелось бы обрять внимание, является мастерски переданная писателем игра красок, оттенков, светотени – прием, характерный для поэтики импрессионизма.

В повести «С двух сторон» (1888-1914) более подробно описаны моменты и «положительного», и «дурного» «настроения». Поначалу повесть так и называлась – «Настроение», что свидетельствовало о первоначальном замысле автора сосредоточить внимание на внутреннем состоянии героя. Однако позднее он, вероятно, решил сместить акценты. В письме, адресованном начинающей писательнице, Короленко советует ей больше внимания уделять жизни в разнообразных ее проявлениях, а не своему «настроению». «Собственное настроение, – пишет он, – только соус. Настоящее блюдо – изображение жизни» [4, с.167].

Г. А. Бялый справедливо отмечает прозвучавшую в этом произведении критику натурализма: «...Короленко стремился уберечь реализм от «ошибок

натурализма» <...> Он хотел, чтобы современное искусство нашло такие формы, которые с наглядной убедительностью показали бы отличие задач высокого реализма с его сложным пониманием художественной правды от узко понятого принципа жизненной «правды» как единственной задачи искусства» [3, с.149].

Об этом писал и сам Короленко, подразумевая под «крайним реализмом» натуралистическое направление. В письме к В. С. Козловскому он так охарактеризовал свой творческий метод: «... едва ли я вполне могу примкнуть к романтизму, по крайней мере сознательно. Однако и крайний реализм, например французский, нашедший у нас столько подражателей, – мне органически противен» [4, с.19]. Довольно резко высказывался он и в адрес «модернистов»: «Потуги разного рода «модернистов» перенести центр тяжести творчества в неопределенные субъективные ощущения ... уже выдохлись даже в отношении новизны...» [4, с.167].

Однако в повести «С двух сторон» внимание автора в большей степени сосредоточено как раз на субъективных ощущениях и переживаниях героя. Причем здесь имеет место психологизм особого рода – испытывавший влияние импрессионизма. Не «диалектика души», а стремление передать «настроение»: смену впечатлений, ассоциаций. Т. В. Филат назвал его «аналитической саморефлексией» [12, с.315]. Подробно описывая, как герой «прислушивается» к тому, что происходит в его душе, Короленко стремится запечатлеть состояние человеческой психики в момент кризиса: «Все было опять так же, как за полчаса перед тем, но я не узнавал того же самого дня. Мне казалось, что в моем времени произошел какой-то перерыв или, наоборот, оно прокатилось слишком быстро, как развернувшаяся пружина. Тот ли это день, та ли комната? Где я и кто я?.. И тот маленький человечек, который еще недавно ложился в мою постель, – я ли это, или кто-то другой, о котором я только помню?..» [7, с.331].

Иногда самоанализ чередуется с элементами «потока сознания», когда герой, под влиянием пережитого им ужаса, оказывается не в состоянии контролировать ход своих мыслей: «На душе было тошно, хотелось что-то выкинуть, от чего-то избавиться... это скрежет железа и то, что было там, на платформе. Но мне уже от этого не освободиться. Этот знобящий скрежет проник мне глубоко в душу и раздавил в ней что-то. ... оборвалось что-то важное, без чего как будто нельзя жить...»; «воспоминание о скрежете железа пронизывало меня каким-то внутренним ознобом» [7, с.335].

Хронотоп повести «С двух сторон» построен таким образом, что в нем присутствуют два временных пласта – прошлое и настоящее. И хотя основой сюжета является прошлое (настоящее вообще не представлено в событийном плане), оно показано через призму настоящего. Герой-рассказчик выступает в роли наблюдателя над самим собой, но только молодым. Т. В. Филат отмечает, что хронотоп изображен в духе тенденций нового пространственно-временного мышления конца XIX века. Пространство в повести «из простого места действия превращается в способ обрисовки настроения ауктора» [12, с.314].

В. Г. Короленко писал: «Мне надо, чтобы каждое слово, каждая фраза

попадала в тон, к месту, чтобы в каждой отдельной фразе <...> слышалось отражение главного мотива, центральное ... настроение» [4, с.24]. Этой задаче подчинены и хромотоп повести, и пейзажные зарисовки, поданные в импрессионистической манере. В обрисовке пейзажа, как и в рассмотренном ранее рассказе «Последний луч», писатель также прибегает к цветовым и световым эффектам.

Интересным, на наш взгляд, образом-мотивом, играющим существенную роль в обрисовке «настроения», в передаче разных психологических состояний героя, является образ поезда. Т. В. Филат обращает внимание на многоплановость этого образа: «...поезд в повести «С двух сторон» предстает и как жизненная реальность..., и как символ движения, и как зловещий способ самоубийства, и как метафора человеческой жизни, он обрисован и как техническое средство передвижения, и как чудовище, которое может убивать, и как эстетический объект в «ночном пейзаже с поездом» [12, с.309].

В ключе рассматриваемой нами проблемы хотелось бы обратить внимание на символическое значение данного образа. Батюшков отмечал, что «Короленко подошел к символизму, но не стал писателем символистом в настоящем значении слова» [1, с.51]. Однако многозначность трактовки данного образа позволяет говорить о некотором влиянии символизма.

Рассмотренные нами примеры свидетельствуют о том, что импрессионизм существенно повлиял на формирование творческой манеры В. Г. Короленко, что нашло выражение прежде всего в мировосприятии писателя, в особом рода психологизме, в лиричности повествования, в своеобразии символики.

Библиографические ссылки:

1. Батюшков Ф. Д. В. Г. Короленко. – М., 1922.
2. Батюшков Ф. Д. На расстоянии полувека (Бальзак, Чехов и Короленко о «крестьянах»). /Критические очерки и заметки о современниках. – С.-Петербург, 1902.
3. Бялый Г. А. В. Г. Короленко. – Л., 1983.
4. Короленко В. Г. Избранные письма. – М., 1936.
5. Короленко В. Г. Не страшное // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1954.
6. Короленко В. Г. Последний луч // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10-ти т. – М., 1954.
7. Короленко В. Г. С двух сторон // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1954.
8. Короленко В. Г. Старый звонарь // Короленко В. Г. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. – С.-Петербург, 1914.
9. Лион П. Э. Литературная позиция Короленко // Автореф. канд. дис. – М., 1997.
10. Маевская Т. П. В. Г. Короленко как явление переходной эпохи //Феномен В. Г. Короленко: погляд із III тисячоліття. Зб.наук.праць. – Полтава, 2004.
11. Силантьева В.И. Художественное мышление переходного времени (литература и живопись). – Одесса, 2000.
12. Филат Т. В. Своеобразие художественной трактовки категорий пространства и времени в повести Короленко «С двух сторон» // Филат Т. В. Поэтика пространства и времени в русской повести конца 1880-х – начала 90-х годов. – Днепропетровск, 2002.

Вечерок Ольга Николаевна

аспирантка кафедры зарубежной литературы Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г.Короленко